

© 2014 г. Е.В. ПАДУЧЕВА

НЕСТАНДАРТНЫЕ ОТРИЦАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ВНЕШНЕЕ, СМЕЩЕННОЕ, ГЛОБАЛЬНОЕ, РАДИКАЛЬНОЕ

Пришедшее из логики в лингвистику понятие презумпция (пресуппозиция) вызвало к жизни понятие ассерция и позволило понять природу **стандартного** отрицания – это отрицание, которое отрицает ассерцию, сохраняя презумпции. Статья посвящена нестандартным отрицаниям. Так, в предложении со **смещенным** отрицанием отрицательная частица стоит при глаголе, а не при том слове, на котором стоит главный акцент (*Я не обвиняю его в национализме*¹), в результате чего семантическое соотношение с исходным неотрицательным предложением оказывается не вполне ясным. Другое нестандартное отрицание – **глобальное**, или отрицание с **широкой сферой действия**; оно возникает в результате коммуникативной перестройки: адвербиал, который при исходной коммуникативной структуре являлся семантической вершиной предложения, входит в сферу действия приглагольного отрицания, становясь как бы актантом глагола (*Она не станет менять свои планы из-за тебя*). Главное внимание уделяется конструкции с **радикальным отрицанием**, в которой, на первый взгляд, отрицанию может подвергаться пресуппозиция. Показано, что отрицательные предложения с такой конструкцией не имеют исходного утвердительного. Тем самым остается в силе статус презумпции как неотрицаемого смыслового компонента.

Ключевые слова: презумпция, сфера действия, отрицание, смещенное, глобальное, радикальное

The notion of presupposition, which came into linguistics from logic, brought into existence the notion of assertion. Hence the notion of **standard** negation – the negation which negates the assertion and preserves the presuppositions. The paper deals with non-standard negations. The first example is **displaced** negation, a construction in which the negative particle is attached to the verb, and not to the word bearing the main phrasal accent (*Ja ne obvinjaju ego v nacionalizme* 'I don't accuse him of nationalism'), so that it is unclear what is asserted and what is negated. Another non-standard negation is **wide scope**, or **global** negation. It owes its existence to a communicative transformation of a sentence as a result of which the adverbial that was initially the semantic head of the sentence, lowers its status and falls within the scope of the preverbal negation, as if it were an argument of the verb (*Ona ne stanet menjat' svoi plany iz-za tebja* 'she won't change her plans because of you'). The main attention is drawn to the construction with **radical** negation: it seems at first sight that this negation negates presupposition. It is demonstrated that negative sentences with this construction have no non-negative counterpart. Thus, the presupposition, in any case, preserves its status of a non-negatable semantic component.

Keywords: presupposition, scope of negation, displaced negation, wide scope, radical negation

1. ПРЕЗУМПЦИЯ И ПОНЯТИЕ СТАНДАРТНОГО ОТРИЦАНИЯ

В исследовании отрицания произошел кардинальный прорыв после того, как лингвистика обогатилась понятием «**презумпция**» (синонимичный термин – «**пресуппозиция**»; английский термин – «presupposition»; в немецком два термина: «Voraussetzung» и «Präsupposition»)¹. Это понятие пришло в лингвистику из логики и стало незаме-

¹ Термин «пресуппозиция» вошел в русскоязычную лингвистическую литературу после статьи

мым инструментом семантического и синтаксического анализа. Оно широко используется как в лексической семантике, так и в семантике синтаксиса. В частности, понятие презумпции существенно продвинуло решение проблемы отрицания и отрицательного предложения: было обнаружено, что в стандартном случае отрицание воздействует на ассертивную пропозицию высказывания (**ассерцию**) и не распространяется на его презумпции. Задача данной работы состоит в том, чтобы сравнить стандартное отрицание с разными видами нестандартного и нестандартные – между собой. Главные различия между отрицаниями касаются поведения презумпций.

1.1. Презумпция и ассерция

Истинность презумпций предложения является необходимым условием его осмысленности. И наоборот, ложность презумпции делает предложение семантически аномальным. В логике, где главным свойством предложения считается его истинность или ложность, а главным отношением между предложениями – отношение логического следования, возникло такое определение презумпции:

Определение. Предложение *P* является **презумпцией** предложения *S*, если *P* следует как из *S*, так и из отрицания *S*.

Это определение оказалось вполне приемлемым для лингвиста тестом на презумпцию: оно позволяет идентифицировать тот или иной семантический компонент предложения как его презумпцию. Так, предложение (1.1) имеет презумпцию ‘Фишер отказался от игры’, что видно из сравнения предложения (1.1) и его отрицания (1.2) (здесь и ниже знак $\supset$ выражает семантическое следование):

- (1.1) Отказ от игры уронил Фишера в глазах шахматистов $\supset$ ‘Фишер отказался от игры’;
- (1.2) Отказ от игры *не* уронил Фишера в глазах шахматистов $\supset$ ‘Фишер отказался от игры’.

Тест на отрицание позволил выявить презумпции как значимые семантические компоненты многих слов, см. Примеры 1 и 2, и синтаксических конструкций, см. Пример 3.

Пример 1. Презумпции в составе **фактивных** глаголов и, шире, фактивных предикатов:

Иван *жалеет* / *не жалеет*, что уехал $\supset$ ‘Иван уехал’;
Джон *огорчен* / *не огорчен* провалом на экзамене $\supset$ ‘Джон провалился на экзамене’.

Пример 2. Презумпции в составе **фазовых** глаголов типа *перестать*, *продолжать*:

Иван *перестал* / *не перестал* бить свою жену $\supset$ ‘бил’.

Пример 3. Презумпции в составе конструкции с **адвербиалом-модификатором** ситуации – со значением образа действия (типа *быстро*, *громко*, *с трудом*), цели и т.п.:

Они разговаривали *громко* / *не громко* $\supset$ ‘они разговаривали’;
Трамвай остановился *для того* / *не для того, чтобы высадить пассажиров* $\supset$ ‘трамвай остановился’.

Слова, категории и конструкции, которые порождают презумпции, называют **триггерами презумпций** (presupposition triggers). Триггерами презумпций являются, в част-

[Арутюнова 1973]. Заметим, что термин «презумпция», в частности, в составе сочетания «презумпция существования и единственности» употреблялся еще в 1960-е гг. в философской логике.

ности, фактивные и фазовые глаголы. Презумпциям посвящена огромная литература; см. энциклопедическую статью [Beaver, Guerts 2011].

Важная роль понятия презумпции в лингвистике определяется еще и тем, что оно вызвало к жизни понятие **ассерции**. Если презумпция – это то, что «само собой разумеется», а потому избегает действия отрицания, то ассерция (утверждаемое) – это, наоборот, то, что ему подвергается. Иначе говоря, ассерция – это тот семантический компонент предложения, который составляет **сферу действия** отрицания, равно как и других семантических операторов (см. о сфере действия отрицания и кванторных слов в [Падучева 1974: 85, 144] и о сфере действия в более широком смысле в [Богуславский 1985]). Так, в примере (1.3) ассерция – ‘Джон огорчен’, поскольку именно эта пропозиция подвергается отрицанию при отрицании предложения в целом; презумпция ‘Джон провалился на экзамене’ истинна и в утвердительном предложении, и в отрицательном:

- (1.3) а. Джон *огорчен* тем, что провалился на экзамене;
б. Джон *не огорчен* тем, что провалился на экзамене.

Следует обратить внимание на то, что и презумпциями, и ассерциями являются семантические компоненты предикативной природы, т.е. **пропозиции** (см. обзор литературы о пропозициях в [Падучева 1985: 34–38]).

Ассерция составляет сферу действия не только отрицания, но и других семантических операторов – модальности (как в (1.4а)), вопроса (как в (1.4б)), пропозициональной установки (как в (1.4в)) и т.п.

- (1.4) а. Иван *жалеет*, что поехал на конференцию в Марокко;
а. Иван, возможно, *жалеет*, что поехал на конференцию в Марокко;
б. Иван *жалеет*, что поехал на конференцию в Марокко?
в. Я думаю, Иван *жалеет*, что поехал на конференцию в Марокко.

Наряду с фактивными глаголами, которые гарантируют подчиненной пропозиции статус ассерции, нам понадобятся **импликативные** глаголы. Пропозициональный актант импликативного глагола имеет статус импликатива:

Определение 2. Семантический компонент Р является в предложении S **импликативом**, если из S следует Р, а из отрицания S следует не-Р.

В русском языке импликативными являются глаголы *суметь*, *успеть*, *добиться*, *удаться*, *осмелиться* и др. Ср.:

- (1.5) а. Иван *успел* купить билет $\supset$ ‘Иван купил билет’;
б. Иван *не успел* купить билет $\supset$ ‘Иван не купил билет’.

Ассерция, презумпция, импликатив – это разные **статусы** (ассертивные статусы), которые может иметь пропозиция в составе предложения.

В [Karttunen 1971; 2012], где рассматриваются глаголы и предикаты (английские) со значениями типа ‘успеть’, ‘добиться’, они называются **биимпликативными**. В русскоязычной традиции термины «импликативный» и «биимпликативный» (а также и «импликатив» и «биимпликатив») употребляются как синонимы.

1.2. Презумпция и так называемое «внешнее отрицание»

Хотя презумпция – это, почти по определению, то, что не поддается отрицанию, в литературе (преимущественно логической направленности) исследовалась возможность **подавления презумпций в контексте отрицания**. В этой связи было введено в рассмотрение понятие «внешнего отрицания» (**external negation, presupposition-**

denying negation в противоположность обычному **presupposition-preserving negation**, см. [Horn 1989: 137]). Якобы в языке есть отрицание, которое не различает в структуре предложения презумпций и ассерций (т.е. презумпция трактуется по Расселу как конъюнктивно присоединенная ассерция).

Так, в [Kempson 1975] утверждается, что *не* в предложениях типа (1.36) можно понять как «внешнее» отрицание, так что (1.36) будет иметь смысл (1.6) (отрицание конъюнкции разворачивается в дизъюнкцию отрицаний по закону де Моргана), и тогда (1.7) не будет аномальным (пример полностью сохраняет силу в переводе с английского языка на русский и приводится по-русски):

- (1.36) Джон *не огорчен* тем, что провалился на экзамене;
(1.6) 'НЕ (Джон провалился и не огорчен тем, что провалился)' = 'Джон либо провалился и не огорчен тем, что провалился, либо не провалился';
(1.7) Джон *не огорчен* тем, что провалился на экзамене, – он его сдал.

Иначе говоря, допускается, что фраза (1.36) может пониматься как истинная в контексте, когда Джон *не* провалился на экзамене, – хотя при этой интерпретации фраза (1.36) может отрицать свою презумпцию.

В принципе, такое употребление отрицания не соответствует реальному узусу; оно допустимо лишь в каких-то изысканных контекстах – таких, например, с которыми сталкивается читатель Льюиса Кэрролла. Кроме того, дизъюнкция (1.6) быть может и описывает условия истинности предложения (1.36), но ее трудно признать представлением смысла этого предложения.

«Внешнее» отрицание принадлежит к числу нестандартных, поскольку ставит под сомнение принципиальную связь отрицания с презумпцией, которую демонстрирует пример (1.3). Это отрицание демонстрируется на примерах, принадлежащих к периферии языка. Но есть и другие контексты, где сохранение презумпции при отрицании оказывается под вопросом.

Примечание. В [Богуславский 1985: 61 ff] было показано, что презумпции способны отрицаться в контексте особой **противопоставительной** конструкции. Так, в предложении *Я увидел перед собой не холостяка, а совсем юную девушку* отрицается не только ассерция – 'холостяк – неженатый человек', но и презумпция 'холостяк – это мужчина', которая входит в значение слова *холостяк*. Эта конструкция подробно описана И.М. Богуславским и далее не рассматривается.

1.3. Нейтрализация презумпций в контексте снятой утвердительности

Если триггер презумпции попадает в контекст **снятой утвердительности**, презумпция исчезает. Вернемся к предложению (1.1). В нем пропозиция 'Фишер отказался от игры' – презумпция. Между тем предложение (1.1') с глаголом *уронить* в сослагательном наклонении не имеет следствия 'Фишер отказался от игры', т.е. не имеет этой презумпции:

- (1.1) Отказ от игры уронил Фишера в глазах шахматистов;
(1.1') Отказ от игры уронил *бы* Фишера в глазах шахматистов.

О снятой утвердительности (*suspended assertion*) см. [Weinreich 1963], а также [Падучева 1985; 2005]; ср. близкий по значению термин «non-veridicality» в [Giannakidou 2013] и во многих других работах. Утвердительность финитного глагола может сниматься косвенной модальностью, будущим временем, союзами типа *чтобы*, пропозициональными установками и т.п.

В контексте снятой утвердительности триггера пропозиция Р приобретает **нейтральную модальность** (можно сказать, **нейтрализуется**); но она не отрицается. «Presuppositional inferences are typically subject to cancellation by direct denial only when the presupposition trigger is embedded under some other operator» [Beaver, Guerts 2011]. Следует подчеркнуть различие между нейтрализацией презумпций в контексте снятой

утвердительности триггера и «подавлением» презумпции под действием внешнего отрицания. Под «подавлением» презумпции имеется в виду лишение пропозиции презумптивного статуса, т.е. свойства неотрицаемости. А нейтральная модальность – это безотносительность к истине.

2. СМЕЩЕННОЕ ОТРИЦАНИЕ

Один из видов нестандартного отрицания – **смещенное** отрицание [Падучева 1974: 149 ff, Богуславский 1985: 40–53]. Отрицательная частица стоит при главном предикате, но отрицается та пропозиция, которая несет фразовый акцент, а оставшаяся часть в результате сдвига акцента уходит в презумпцию. Так, в предложении (2.1) с глаголом *обвинять* (знаменитым благодаря статье Ч. Филлмора о глаголах *accuse* ‘обвинять’ и *criticize* ‘критиковать’, см. [Fillmore 1971]) смещенное отрицание:

- (2.1) Я не *обвиняю* Джона в национализме λ =
 не (я *обвиняю* Джона в национализме λ) =
 ‘я *обвиняю* Джона в не национализме’ [ассерция]
 ‘я *обвиняю* его в чем-то <другом>’ или: ‘он виноват в чем-то <другом>’ [презумпция].

См. о смещенном отрицании в [Есперсен 1958: 382], где специально подчеркивается участие фразовой просодии в формировании этой конструкции.

Предложение со смещенным отрицанием при главном предикате близко по значению к предложению с отрицанием при ударном слове, но синонимия, конечно, не полная.

Смещенное отрицание играет важную роль в систематике нестандартных отрицаний.

3. ГЛОБАЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ

В [Богуславский 1985: 31–32] рассматривается другая разновидность нестандартного отрицания – **отрицание с широкой сферой действия**. В норме отрицание при глаголе распространяется на предикацию, состоящую из глагола и его актантов. Так, в (3.1) целевой адвербиал, не будучи актантом глагола, не входит в сферу действия предикатного отрицания (т.е. отрицания при финитном глаголе или предикате):

- (3.1) Иван не допил чай, чтобы успеть на электричку.

Оказывается, однако, что при определенных условиях предикатное отрицание может включать в свою сферу действия адвербиал-модификатор – несмотря на то, что тот составляет отдельную ассерцию, которая должна была бы семантически подчинять глагольную предикацию. Так, в (3.2) предикатное отрицание имеет широкую сферу действия и включает целевой адвербиал (пример из [Богуславский 1985: 60]).

- (3.2) Трамвай не остановился, чтобы высадить пассажиров =
 = НЕ (Трамвай остановился, чтобы высадить пассажиров).

Отрицание при финитном глаголе в предикации Р с модификатором Q может иметь широкую сферу действия потому, что предикация Р коммуникативно значима только с модификатором Q (например, если истинность Р без данного Q нерелевантна); или потому, что контекст содержит **семантику ожидания**, т.е. заранее ожидается, что Р будет иметь место с модификатором Q, как в (3.2). Семантика ожидания, будучи выражена эксплицитно, позволяет включить в сферу действия предикатного отрицания сколь угодно сложный модификатор. Так предложение (3.3а) сомнительное, а (3.3б) нормальное (пример из [Богуславский 1985: 32]):

- (3.3) а. ?Добыча угля не возросла на 10 млн тонн;
 б. Добыча угля не возросла на 10 млн тонн, как ожидалось.

В [Падучева 2005] в качестве синонима к термину «отрицание с широкой сферой действия» используется термин «глобальное отрицание». Дело в том, что широкая сфера действия естественно соотносится с узкой сферой действия. Между тем термина «отрицание с узкой сферой действия» следует избегать, потому что он неоднозначен и избыточен. Так, в (3.1) адвербиал не входит в сферу действия отрицания потому, что это частноотрицательное предложение: (3.1) = 'чтобы успеть на электричку НЕ (Иван допил чай)'. А в (1.3а) в сферу действия отрицания не входит презумпция, так что это не отрицание с узкой сферой действия, а стандартное отрицание в составе общеотрицательного предложения.

Предложение с глобальным отрицанием, как правило, является общеотрицательным. При этом одно и то же предложение может иметь два разных отрицания, стандартное и глобальное, – в силу неоднозначности его коммуникативной структуры (К-структуры). Рассмотрим предложение (3.4) (пример из [Богуславский 1985]). У него есть две разные К-структуры и два разных прагматически соответствующих общеотрицательных предложения.

(3.4) Трамвай остановился, чтобы высадить пассажиров.

К-структура 1. В предложении различаются две пропозиции, связанные аргументно-предикатным отношением. Пропозиция адвербиала – ассерция, пропозиция финитного глагола – пропозициональный актанта адвербиала и презумпция: адвербиал является модификатором ситуации, описываемой финитным глаголом. При этой К-структуре предложению соответствует стандартное отрицание: пропозиция адвербиала отрицается как ассерция, пропозиция финитного глагола, презумпция, не подвергается отрицанию. См. в (3.4а) семантическое представление предложения (3.4) с К-структурой 1; (3.4б) – это соответствующее общеотрицательное предложение:

- (3.4) а. Трамвай остановился / чтобы высадить пассажиров \ =
'трамвай остановился' [презумпция]
'цель – высадка пассажиров' [ассерция];
б. Трамвай остановился *не* для того, чтобы высадить пассажиров.

К-структура 2. Две пропозиции объединяются в одну: модификатор пропозиции финитного глагола превращается как бы в актанта глагола, а сама эта пропозиция теряет свою отдельность и презумптивный статус. Эта единая пропозиция и отрицается. В предложении (3.5) отрицание с широкой сферой действия, иначе – глобальное:

- (3.5) Трамвай *не* остановился, чтобы высадить пассажиров \
= НЕ (Трамвай остановился, чтобы высадить пассажиров).

У двух отрицательных предложений (3.4б) и (3.5) разные коммуникативные структуры: в предложении (3.4б), которое соответствует К-структуре 1, целевой оборот – факультативный модификатор ситуации, а в (3.5) с К-структурой 2 этот целевой оборот обозначает прагматически обязательного участника ситуации. При этом предложения (3.4б) и (3.5) оба общеотрицательные.

Как видно из предлагаемого анализа, расширение сферы действия отрицания происходит за счет коммуникативных перестроек исходного предложения и не вносит никаких коррективов в общее представление о поведении презумпций под отрицанием. Речи нет о том, что глобальное отрицание подавляет презумпцию. Просто в результате коммуникативной перестройки в исходном утвердительном предложении две пропозиции, одна из которых была изначально презумпцией, соединяются в одну.

Следует отметить, что границы допустимой глобальной интерпретации предикатного отрицания существенно расширяются в контексте снятой утвердительности. Так, глобальное понимание отрицания в глагольно-адвербиальном комплексе *ушел сразу* естественно в примере (3.6) в контексте снятой утвердительности (который создает

вопросительное *почему*) и едва ли возможно вне контекста такого рода (см. об этом подробнее в [Падучева 2005])²:

- (3.6) Почему я тогда сразу не ушел? = 'почему НЕ (я сразу ушел)?'
≠ Почему я ушел не сразу?

Роль контекста снятой утвердительности будет существенна и для другой нестандартной конструкции отрицания, которая будет рассмотрена в разделе 4.

4. РАДИКАЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ

Теперь, на фоне всего того, что было сказано о неотрицаемости презумпций, обратимся к конструкции, в составе которой отношения между отрицанием и презумпцией более сложные. Эта конструкция была обнаружена Г.И. Кутовой (см. [Кутова 1996]), а в последнее время внимание было вновь привлечено к этой проблеме благодаря работе [В. Апресян 2013].

4.1. Событийная и расщепленная каузативная конструкция

В [Кутова 1996] (см. также [Кутова 2004: 214–231]) были рассмотрены две конструкции с каузативным глаголом. Ср. предложения (4.1а) и (4.1б):

- (4.1) а. Его женитьба на служанке *опозорила* семью;
б. Он *опозорил* семью женитьбой на служанке.

В примере (4.1а) обычная каузативная конструкция с событийной каузацией: каузативный глагол в норме связывает две ситуации; в (4.1а) это женитьба, **каузатор**, и позор, **эффект**. А каузативная конструкция в (4.1б) была названа в [Кутова 2004] **личной**. Можно думать, особенность каузативной конструкции в (4.1б) состоит в том, что она является результатом своего рода **расщепления** событийной каузативной конструкции в (4.1а), см. [Падучева 2004: 283]. При расщеплении может, действительно, возникать подлежащее-лицо и дополнительный агентивный смысл, ср. различие между (4.2а) и (4.2б):

- (4.2) а. Ванин приход *обрадовал* нашу маму;
б. Ваня *обрадовал* нашу маму своим приходом.

Но это не обязательно. Предложение (4.3) (пример из [Падучева 2004: 283]) имеет две интерпретации. Интерпретация (i) агентивная; семантическая роль подлежащего – агенс, а ИГ в творительном падеже обозначает поступок. А интерпретация (ii) неагентивная; семантическая роль подлежащего – мишень:

- (4.3) Родственники *раздражали* его бесконечными вопросами.
(i) Родственники задавали много вопросов, имея целью его раздражить;
(ii) Родственники задавали много вопросов, и это его раздражало.

В примере (4.4) подлежащее в расщепленной конструкции однозначно неагентивно:

- (4.4) а. Мой проигрыш *огорчил* отца;
б. Я *огорчил* отца своим проигрышем.

² Следует признать, что термин «глобальное отрицание» не вполне удачен, поскольку наводит на мысль о том, что это отрицание, которое охватывает своей сферой действия **все** предложение **целиком**, – что заведомо неверно; так, в (3.6) в сферу действия отрицания не входит *почему*. Приемлемая замена термину «глобальное отрицание» – «расширенное отрицание» – почти то же, что «отрицание с широкой сферой действия».

Это тем более ясно для примера (4.5), где дополнение в творительном падеже выражает свойство, а подлежащее – носитель свойства и вовсе не лицо:

- (4.5) Письма Сельвинского молодым поэтам *удивляют* своей щедростью (⇐ Щедрость писем Сельвинского молодым поэтам удивляет).

Граница между агентивностью и ее отсутствием, т.е. между контролируемой и неконтролируемой каузацией, может быть размытой. Так, в контексте примера (4.6) каузация, скорее всего, неконтролируемая: люди, которые вели разговоры об искусстве, не имели цели расстроить Маяковского – при том даже, что они объявляются ответственными за произведенный эффект:

- (4.6) Его <Маяковского> легко было огорчить. Вinovаты литературные бывшие люди. Они *расстраивали* его разговорами о настоящем искусстве [Л. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920–1943)].

В событийной каузативной конструкции различаются следующие компоненты. Подлежащее Р, пропозициональный актанта, – это **каузатор**; с этой именной группой связана фактивная презумпция – что естественно для каузативного глагола, который относится к классу фактивных. Сказуемое Q (каузативный глагол) выражает **эффект** (радость, раздражение, позор и т. п.), касающийся компонента Y, прямого дополнения.

В расщепленной каузативной конструкции появляется новый компонент – X: в агентивном случае это агент (впрочем, однозначной агентивности в расщепленной конструкции не бывает), но, в принципе, это может быть любой участник, обозначенный подлежащим. Например, в (4.5) это носитель свойства, выражаемого компонентом Р, т.е. даже не лицо. Компонент Р, маркированный в расщепленной конструкции творительным падежом, обозначает действие участника X, как в (4.26), событие, как в (4.4), или свойство, как в (4.5). Группа сказуемого Q по-прежнему выражает эффект.

Хотя расщепленная конструкция изучалась в основном на глаголах эмоции, она свойственна и другим глаголам (глаголам интерпретации, оценки и просто изменения состояния), таким как *защитить, задержать, затруднить, избавить, испортить, омрачить, помешать, помочь, погубить, поддержать, спасти, унижить, уронить, утормить*; ср.: *Отказ от игры уронил его* и *Он уронил себя отказом от игры*.

В событийной каузативной конструкции статус пропозиционального актанта Р всегда **презумпция** – Р следует и из данного предложения, и из его отрицания:

- (4.7) а. Ванин приход *обрадовал* нашу маму ⊃ 'Ваня пришел';
б. Ванин приход *не обрадовал* нашу маму ⊃ 'Ваня пришел'.

Что же касается расщепленной конструкции, то тут ситуация иная.

4.2. Как возникает радикальная интерпретация отрицания

Как было обнаружено в [Куцова 1996], в расщепленной каузативной конструкции пропозиция, соответствующая актанта-каузатору, может подвергаться отрицанию. В самом деле, отрицание при глаголе в составе расщепленной конструкции может иметь две интерпретации – почти противоположные:

- (4.8) Иван *не порадовал* нас возвращением =
(i) 'То, что Иван вернулся, нас **не** порадовало';
(ii) 'Иван **не** вернулся, тем самым нас **не** порадовал'.

При интерпретации (i) со **стандартным** отрицанием отрицается компонент Q, эффект, т.е. ассерция утвердительного предложения; а пропозиция Р, каузатор, ведет себя как презумпция, т.е. является истинной и в исходном предложении, и в его отрицании:

- (4.9) а. Иван *порадовал* нас возвращением $\supset$ 'Иван вернулся';
б. Иван *не порадовал* нас возвращением $\supset$ 'Иван вернулся'.

А отрицание с интерпретацией (ii) можно назвать **радикальным** (в [Кустова 1996] оно названо **импликативным**), поскольку оно отрицает не только пропозицию Q, эффект, которая является в (4.9а) ассерцией, но и пропозицию 'Иван вернулся', каузатор, которая в предложении (4.9а) составляет презумпцию.

Радикальную интерпретацию отрицания в расщепленной каузативной конструкции можно объяснить так.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что при интерпретации (4.8i) фразовый акцент обязательно на глаголе, а интерпретация (4.8ii) допускает фразовый акцент на пропозициональном актанте:

- (4.8i) = Иван *не порадовал* $\downarrow$ нас возвращением;
(4.8ii) = Иван *не порадовал* нас возвращением $\downarrow$.

Это отрицание похоже на смещенное: отрицание стоит при главном предикате, но отрицается та пропозиция, которая соответствует пропозициональному актанту (как если бы отрицалось предложение *Иван порадовал нас возвращением* $\downarrow$).

Однако обычное смещенное отрицание дало бы отрицание акцентно выделенного актанта Р, каузатор, а остаток, т.е. компонент Q, эффект, отодвинулся бы в презумпцию, как в примере (2.1). Для (4.8) смещенное понимание отрицания дало бы смысл 'Иван порадовал нас не возвращением', где

- 'Иван не вернулся' [ассерция, которая приняла на себя отрицание],
'Иван порадовал нас чем-то другим' [презумпция, которая не отрицается].

Между тем радикальное отрицание отрицает не только пропозициональный актант Р, каузатор, но и сам каузативный глагол, т.е. компонент Q, эффект.

Дело в том, что в контексте фразового ударения в составе компонента Р и его потенциальной ассертивности, т.е. способности принимать отрицание, глагол не выражает каузативное отношение между Р и Q (Р). Каузативное отношение между Р и Q не исключает того, что Q могло быть вызвано чем-то другим. В данном же контексте глагол выражает не каузацию, а **биимпликативное соотношение** между Р и Q:

если Р, то Q; если не-Р, то не-Q.

В контексте интерпретации (4.8ii) Q рассматривается только по отношению к данному Р. Тем самым выпадает презумпция 'Q вызвано чем-то другим', которая возникла бы в контексте обычного смещения отрицания на Р. Пропозиции Q и Р оказываются связаны не каузальной связью (которая с необходимостью предполагает истинность каузатора Р), а отношением типа **идентификации**:

Р, тем самым Q; не-Р, тем самым не-Q.

В таком случае ассертивный статус пропозиции Q с каузативным глаголом и в утвердительном, и в отрицательном контексте – **импликатив**. (NB. У импликативных глаголов, см. пример (1.5), статус импликатива имеет пропозициональный актант глагола; в предложении с радикальным отрицанием статус импликатива имеет пропозиция самого финитного глагола.)

В силу указанного биимпликативного соотношения между Р и Q мы получаем для предложения (4.8) интерпретацию (ii):

- (4.10) 'Иван не вернулся, тем самым нас не порадовал'.

В предложении, которое могло бы быть исходным утвердительным для (4.8) с интерпретацией (ii), не только пропозициональный актант Р должен иметь статус ассерции, а не презумпции, но и пропозиция Q должна иметь не статус презумпции, который был бы ей положен при смещении акцента, т.е. чисто коммуникативной перестройке, а статус имплицатива. Ясно, что такое предложение не может быть каким бы то ни было коммуникативным вариантом предложения (4.9а). Так что **предложение с радикальным отрицанием не является общим отрицанием никакого утвердительного**.

В отличие от стандартного отрицания при каузативном глаголе, которое отрицает пропозицию глагола потому, что она ассерция, радикальное отрицание отрицает эту пропозицию в силу идентифицирующей имплицатуры.

Итак, в отличие от «внешнего отрицания», которое якобы подавляет пресуппозицию утвердительного предложения, сводя ее ко второй ассерции, так что пресуппозиция становится подвластна отрицанию, радикальное отрицание в расщепленной каузативной конструкции не отрицает пресуппозиции. Радикальное отрицание – это отрицание предложения, в котором пропозициональный актант каузатор каузативного глагола сменил презумптивный статус на статус ассерции. А отрицание пропозиции эффект, выражаемой каузативным глаголом, – это следствие идентифицирующей имплицатуры, которая возникает в контексте глаголов с определенной семантикой.

В составе расщепленной конструкции каузативный глагол утрачивает фактивность как внутренне присущую характеристику: пропозициональный актант-каузатор, выраженный творительным, а не именительным падежом, не обязательно презумпция. Именно этим объясняется неоднозначная интерпретация предикатного отрицания в расщепленной конструкции.

4.3. Радикальное отрицание в расщепленной конструкции

Ниже следуют примеры из [НКРЯ], которые показывают, что радикальная интерпретация отрицания в расщепленной каузативной конструкции достаточно широко распространена. Отрицание, хотя оно стоит при каузативном глаголе, отрицает прежде всего пропозицию Р, выраженную подчиненным существительным в творительном падеже, которая имеет статус ассерции; отрицание предикации самого каузативного глагола порождается биимплицативным соотношением. Так, в (4.11) отрицается шарканье, в (4.12) – крики и мольбы, в (4.13) – заем денег; в (4.14) отрицается наличие пуповины. В примерах ниже пропозиция Р (или ее вершина) подчеркнута:

- (4.11) Редкие недовыписанные родильницы не тревожат шарканьем \ пустынные коридоры... [Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)].
- (4.12) Брови его не сдвинуты, и тучи рассеялись, лицо его просветлело и сияет покоем, взгляд его не летит вдаль, и шум городов не беспокоит его криками и мольбами \ [Улья Нова. Инка (2004)].
- (4.13) Занимать денег у Фили Герой не стал и тем самым остался на равных со старым приятелем, не испортил дружбу деньгами \ [М. Чулаки. Примус // «Звезда» (2002)].
- (4.14) Ещё один ребёнок удивил Бритоголового тем, что вышел самым естественным образом, через родовые пути, но и он не порадовал его наличием пуповины \ [Л. Улицкая. Казус Кукоцкого (2000)].

Для сравнения приведем примеры стандартного отрицания в расщепленной конструкции. Пропозициональный актант Р может быть презумпцией, и тогда он, естественно, не отрицается (следует обратить внимание на то, что в (4.15)–(4.17) фразовый акцент не в составе пропозиционального актанта, а на глаголе):

- (4.15) Воланд рассмеялся громовым образом, но никого не испугал и смехом этим никого не удивил \ [М. Булгаков. Мастер и Маргарита. Часть 2 (1929–1940)].
- (4.16) По крайней мере сын-изверг не спас \ себя отцеубийством: он был казнен вместе с другими [Н. Карамзин. История государства Российского: Том 9 (1816–1820)].

- (4.17) Кого я уже *не обижу* \ дотошностью своего недоброго глаза? [Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975–2003)].

Радикальная интерпретация глагольного отрицания возникает чаще всего в контексте снятой утвердительности. В примерах ниже из контекста ясно, что отрицание каузального эффекта, выраженного в пропозиции главного предиката, есть следствие того, что не будет, не может, не должна и т. д. иметь места ситуация, заданная пропозициональным актантом Р, который является ассерцией, т.е. составляет сферу действия всех модальностей. Так, (4.18) гласит, что «он» не испугает хозяйку перепадами настроения потому, что перепадов настроения у него не будет:

- (4.18) Он *не испугает* хозяйку перепадами настроения \, оно всегда приподнято [«100 % здоровья», 11.12.2002].
(4.19) Нет уж, что бы там ни было <...>, она *не обрадует* узурпатора расспросами \ и виду не подаст, насколько ей сейчас тревожно [Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)].
(4.20) Квартирохозяин мой, почтальон, учится играть на скрипке, потому что любит свою мамашу и не хочет *огорчить* ее женитьбой \. «Жена все-таки чужой человек», – говорит он [М. Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 1 (1925)].
(4.21) Кстати, чтобы *не обижать* миллионеров предложениями принять причитающиеся им за интервью деньги \, исследователи предлагали им возможность внести эти средства в благотворительные фонды [«Бизнес-журнал», 22.01.2004].
(4.22) Потом твой друг возвращает её, и вы договариваетесь *не тревожить* пространство информированием третьих лиц \ [Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть (2011)].

Известный призыв не унижать человека жалостью – это призыв не жалеть:

- (4.23) Надо уважать человека! Не жалеть... *не унижать* его жалостью... уважать надо! Выпьем за человека, Барон! [М. Горький. На дне (1902)].

НВ нетривиальную идентификацию: ‘жалеть – значит унижать’.

Противопоставление стандартного и радикального отрицания в контексте снятой утвердительности демонстрирует пример (4.24). В (4.24а) с событийной каузативной конструкцией и стандартным отрицанием пропозиция Р, которая была презумпцией в утвердительном контексте, оказывается условием, т.е. не имеет истинностного значения:

- (4.24) а. Отказ от игры не уронит \ Фишера в глазах шахматистов =
‘если Фишер откажется от игры, он не упадет в глазах шахматистов’.

А в примере (4.24б) с расщепленной конструкцией пропозиция Р отрицается, т.е. ведет себя как ассерция; отрицание радикальное:

- (4.24) б. Фишер не уронит себя отказом от игры \ = ‘Фишер не откажется от игры, и потому не упадет в глазах шахматистов <а если откажется, то упадет>’.

Хороший тест на радикальное отрицание – невозможность замены расщепленной отрицательной конструкции на событийную. Расщепленная неотрицательная конструкция может быть заменена на событийную, см. пример (4.2). И расщепленная отрицательная со стандартным отрицанием может, см. примеры (4.15)–(4.17). А расщепленная конструкция с радикальным отрицанием не может – поскольку в событийной конструкции отрицание может быть только стандартное, см. пример (4.7). Так, *она не обрадует узурпатора расспросами* в контексте примера (4.17) нельзя заменить без изменения смысла на *ее расспросы не обрадуют узурпатора*.

Для понимания семантики радикального отрицания важно следующее. Компонент Р, попав в ударную позицию, естественно воспринимается как ассерция. Однако по

смыслу компонент Р, каузатор, является семантической презумпцией компонента Q, эффекта. В самом деле, если Р ложно (не имеет места), то Q аномально: не может быть ни истинным, ни ложным. Таким образом, радикальная интерпретация отрицания при каузативном глаголе возможна **только** при условии, что Р теряет свой презумптивный статус и каузативное соотношение между Р и Q переходит в биимпликативное.

Отметим отличие радикального отрицания от внешнего. «Внешнее отрицание», как в примере (1.36) с интерпретацией (1.6), **подавляет** пресуппозицию исходного утвердительного предложения в том смысле, что отрицает ее презумптивный статус, сводя ее ко второй ассерции. Отмена презумптивного статуса одной из пропозиций дает конъюнкцию ассерций, отрицание которой по законам логики означает ложность **хотя бы одной** из пропозиций: отрицание конъюнкции есть дизъюнкция отрицаний, см. толкование (1.6), которое дается в разделе 1.2 предложению (1.36). Между тем радикальное отрицание **отрицает обе пропозиции** – в том числе ту, которая в ближайшем по смыслу утвердительном предложении была пресуппозицией.

4.4. Радикальное отрицание в контексте агентивных каузативов

Расщепленная конструкция позволяет изучать радикальную интерпретацию отрицания на неагентивных каузативных глаголах. Глаголы эмоции в этом смысле удобная область: особенностью глаголов эмоции является их преобладающая неагентивность (см. [Арутюнова 1976: 156; Падучева 2004: 276], там же ссылки на литературу). Основные каузативные глаголы эмоции, такие как *огорчить*, *обрадовать*, *удивить*, в норме не употребляются как глаголы действия: их парный НСВ обозначает не деятельность (activity), а состояние.

Однако есть глаголы эмоции, которые допускают употребление в агентивном значении, т.е. в значении контролируемого действия: в несов. виде они обозначают деятельность. Например, *оскорблять*, *обижать*, *развлекать*; сюда же относятся *злить*, *пугать*, *веселить*, о которых идет речь в [В. Апресян 2013].

Агентивные глаголы эмоции устроены существенно иначе, чем неагентивные: они не являются фактивными. Именная группа в творительном падеже обозначает не автономный каузатор эмоции, а своего рода ресурс в распоряжении каузатора-агенса; это действие, которое агент совершает с целью достичь определенного эффекта. Пример (4.25а) показывает, что отрицание в таком контексте не радикальное, а глобальное:

- (4.25) а. Он больше *не развлекает* меня анекдотами =
 б. 'НЕ (он по-прежнему рассказывает мне анекдоты, чтобы меня развлекать)'.

Радикальное понимание отрицания – 'не рассказывает, чтобы не развлекать' – в контексте *развлекать* и других агентивных глаголов положительной эмоции – по прагматическим причинам маловероятно, см. об этом различии между глаголами положительного и отрицательного воздействия в [Кустова 2004: 224]. Но при глаголах отрицательного воздействия радикальное отрицание при агентивном каузативе вполне возможно:

- (4.26) Граф же Строганов <...> внимательно слушал каждую <лекцию> с начала до конца, никогда *не оскорбляя* профессора *преждевременным выходом* из аудитории [Ф. Буслаев. Мои воспоминания (1897)] [= 'не выходил преждевременно, чтобы не оскорблять'];
 (4.27) Рассудина села за рояль и принялась за скучные, трудные экзерцисы, приказав Лаптеву не мешать ей. И он *не развлекал* ее *разговорами*, а сидел в стороне и перелистывал «Вестник Европы» [А. Чехов. Три года (1895)] [= 'не вел разговоров, чтобы не развлечь / отвлечь'].

Радикальное отрицание возникает в контексте действия с предопределенным эффектом.

В предложении (4.25') именная группа инструментального дополнения может быть понята как определенная, и тогда ее пропозиция получает статус презумпции – рас-

сказывание анекдотов имеет место. Презумпция, естественно, не входит в сферу действия стандартного отрицания: анекдоты рассказываются, но меня не развлекают. Но в этом случае *развлекать* уже не обозначает контролируемого действия; каузативная конструкция трактуется как расщепленная событийная, и интерпретация отрицания стандартная:

(4.25') Он не развлекает меня *своими анекдотами* = *Его анекдоты* меня не развлекают.

Итак, радикальная интерпретация отрицания возникает не только в контексте расщепленной каузативной конструкции, неагентивной, но и в контексте конструкции с каузативным глаголом в агентивном употреблении, если действие Р имеет заранее предопределенный результат. В неагентивном случае перефразировка для предложения с радикальным отрицанием – '*не произошло Р, тем самым не произошло Q*', а в агентивном – '*Х не сделал Р, чтобы не произошло Q*' (поскольку Х понимает, что это его действие имеет предопределенный результат – отрицательный).

Показателен пример (4.28):

(4.28) Мы *не оскорбим* нашего учителя покупным подарком.

Радикальная интерпретация отрицания в (4.28) – '*не подарим покупного подарка, тем самым не оскорбим*'. Она основана на имплицатуре '*подарить человеку покупной подарок – значит оскорбить его*', так что не подарить покупной подарок – это единственная возможность не оскорбить. Вне этой идентификации предложение понимается со стандартным отрицанием.

Радикальное и глобальное отрицание, будучи разными конструкциями, обладают следующим сходством. В обоих случаях отрицание расширяет свою сферу действия, потому что две пропозиции объединяются в одну. В случае глобального отрицания объединение происходит на синтаксическом уровне: модификатор глагольной пропозиции превращается в актант глагола. А в случае радикального отрицания – на семантическом, за счет биимпликативного соотношения, которое в каком-то смысле отождествляет событие-каузатор и эффект каузации.

В агентивном контексте радикальное и глобальное отрицание противопоставлены, ср. пример (4.25а), где глагол *развлекать* употреблен в конструкции с глобальным отрицанием, и (4.27), где отрицание при том же глаголе радикальное. Для неагентивного контекста глобальное отрицание не характерно. Его можно, видимо, проиллюстрировать примером из [Куцова 1996]:

(4.29) Он хоть и проиграл в карты целое состояние, но по крайней мере *не опозорил* семью *женитьбой на служанке*.

Пропозиции Р и Q склеиваются в одну, как в примере (3.5): *женитьба на служанке* представлена как единственный коммуникативно значимый источник позора, так что именная группа в творительном падеже обозначает обязательного участника ситуации. Хотя для составляющей с каузативным потенциалом, в отличие от адвербиала, такая перестройка затруднена, в (4.29) она возможна, поскольку поддержана контекстом контраста.

Итак, в агентивном контексте радикальная интерпретация отрицания связана с предопределенностью эффекта, как в неагентивном контексте – с биимпликацией.

4.5. Что способствует радикальной интерпретации отрицания?

Каузативные глаголы, допускающие радикальное отрицание, «не образуют однородного класса» [Кустова 2004: 214]. При этом глаголы, которые допускают радикальную интерпретацию отрицания, обычно допускают и стандартную: интерпретация отрицания не предсказывается семантикой глагола однозначно. Как уже было сказано, в составе расщепленной конструкции каузативный глагол теряет свою фактивность: его пропозициональному актанту-каузатору не гарантирован статус презумпции, так что интерпретация отрицания зависит от разных факторов.

1. От денотативного статуса пропозиционального актанта Р (см. о роли статуса в [В. Апресян 2013]). Так, в примере (4.30) пропозициональный актант Р глагола *удивить* определенный и ведет себя под отрицанием как презумпция, так что интерпретация отрицания стандартная, а в (4.30'), где пропозициональный актант неопределенный, – как ассерция, и интерпретация отрицания радикальная:

(4.30) Новый проект *удивил* \ /не удивил \ нас своей беспомощностью ⊃ 'беспомощность имеет место' [стандартное отрицание].

(4.30') а. Новый проект *удивил* нас кое-какими интересными деталями \ ⊃ 'были детали';
б. Новый проект *не удивил* нас какими-либо интересными деталями \ ⊃ 'не было деталей' [радикальное отрицание].

Примеры (4.31), (4.32) тоже демонстрируют возможность двоякой интерпретации отрицания при одном и том же глаголе.

(4.31) а. Он *не помог* \ нам своим советом ⊃ 'дал совет' [стандартное отрицание];

б. Он *не помог* нам советом \ ⊃ 'не дал совета' [радикальное отрицание].

(4.32) а. На этот раз он *не раздражал* \ меня своими глупыми шутками ⊃ 'глупые шутки были' [стандартное отрицание];

б. Оставь его дома, чтобы он *не раздражал* меня глупыми шутками \ ⊃ 'чтобы не было глупых шуток' [радикальное отрицание].

Глагол *спасти* не допускает радикальной интерпретации отрицания в утвердительном контексте, см. (4.33а). Но в контексте снятой утвердительности отрицание все-таки может распространяться на обе пропозиции:

(4.33) а. Он *не спас* семью отказом от наследства ⊃ 'отказался, но не спас';

б. Он *не спасет* утопающего прыжком в воду ⊃ 'он *не* прыгнет в воду, чтобы спасти утопающего'.

2. Радикальной интерпретации способствует порядок слов, поскольку он влияет на место фразового ударения, ср.:

(4.34) а. Отказом от игры он *не уронит* \ себя [скорее стандартное отрицание: не уронит, если откажется];

б. Он *не уронит* себя отказом от игры \ [скорее радикальное отрицание: не откажется, тем самым не уронит].

В событийной каузативной конструкции порядок слов не влияет на интерпретацию; пропозициональный актант остается семантической презумпцией в любой позиции – и в тематической, как в (4.35а), и в рематической, как в (4.35б):

(4.35) а. *Ванина двойка* не огорчила маму ⊃ 'Ваня получил двойку';

б. Маму не огорчила *Ванина двойка* ⊃ 'Ваня получил двойку'.

3. Влияние на интерпретацию отрицания оказывает также глагольный вид (роль вида рассматривается, в несколько ином плане, в [В. Апресян 2013]):

- (4.36) а. Я *не обременю* его своей просьбой;
б. Я *не буду обременять* его своей просьбой.

Предложение (4.36а) с глаголом в сов. виде (будущего времени) допускает и стандартную, и радикальную интерпретацию отрицания, а в (4.36б) с глаголом в несов. виде интерпретация отрицания однозначно радикальная. В несов. виде речь идет о действии (просьбе), каузирующий эффект которого (обременение) агенту заранее известен как нежелательный, так что предупредить эффект можно только несовершением действия: (4.36б) значит 'не буду просить, чтобы не обременять'. А в сов. виде будущее время может пониматься и в значении намерения, и в значении предсказания: моя просьба, будучи сделана, не обременит. Так что сов. вид совместим и с радикальной, и со стандартной интерпретацией отрицания.

То же противопоставление возможно и в прошедшем времени: опять-таки, дело в том, что предупредить эффект можно только несовершением действия. Так, (4.37б) с глаголом в несов. виде в узуальном значении означает 'не задавал вопросов, чтобы не расстраивать'; так что вопросов не было, отрицание радикальное. А в (4.37а) вопросы были, и отрицание стандартное:

- (4.37) а. Я *не расстроил* \ его своими вопросами;
б. Волька *прикидывался*, будто ничего не замечает, и *не расстраивал* старика бестактными вопросами \ [Л. Лагин. Старик Хоттабыч (1955)].

В (4.38) не радикальное отрицание – про разговор нельзя сказать, что он имеет или имел место, поскольку он относится к будущему:

- (4.38) Вождь просил профессора заехать к нему по делу; он обещал *не задержать* \ разговором [Л. Леонов. Скутаревский (1930–1932)].

Отрицание эффекта здесь не предполагает отрицания самого события; ясно, что профессор должен заехать именно для разговора – и говорится только, что недолго. Снятая утвердительность предикации с глаголом *задержать* сообщает подчиненной пропозиции нейтральную модальность, но речи нет о ее отрицании; отрицание глобальное.

4.6. От каузации к интерпретации

Группа глаголов, в которой Г.И. Кустовой была обнаружена эта интересная разновидность нестандартного отрицания, была охарактеризована ею как глаголы **интерпретации**. В частности, это глаголы, которые дают **косвенную номинацию** событию (см. о косвенной номинации [Зализняк 1991]). К глаголам косвенной номинации в [Кустова 2004] отнесены, в частности, *наказать*, *отблагодарить*, *отомстить*, *поощрить*, которые часто употребляются без указания конкретного действия, являющегося средством достижения цели. Указание действия не исключено (ср. пример из НКРЯ: *поклонился женщинам, которые по шведскому обыкновению отблагодарили меня книксеном*), но в отличие от других глаголов интерпретации, например, *испортить*, см. пример (4.13), для глаголов косвенной номинации типа *порадовать* радикальная интерпретация отрицания является наиболее естественной.

Можно думать, переход от каузальной связи между ситуациями к интерпретативной и лежит в основе перехода от стандартного понимания отрицания к радикальному. Каузальная связь предполагает существование причины, несет презумпцию отдельного существования причины. А семантика интерпретации как бы *отождествляет* причину и следствие, превращает разные события в разные номинации одного и того же (ср. о глаголах интерпретации [Апресян 2004]). Отсюда биимпликативное соотношение, т.е. идентифицирующая импликатура, которая дает возможность отрицать две пропозиции с помощью одной отрицательной частицы.

В агентивном случае то, что было названо идентифицирующей импликатурой каузативной ситуации, сводится к убеждению говорящего (или агенса) в том, что Р неминуемо вызовет Q, так что избежать Q можно только не совершив Р. Это объясняет радикальную интерпретацию отрицания, например, в контексте (4.36б), где несов. вид глагола в Q выражает тот факт, что Р – действие с предсказуемым эффектом, так что эффект находится под контролем агенса.

О каузативной ситуации с предсказуемым эффектом упоминает Г.И. Кустова – на примере глаголов «косвенного результата» типа *опозорить*, *разорить*, которые связывают две ситуации: контролируемое Р и нежелательное Q. В контексте отрицательного императива несов. вида таких глаголов «речь идет об определенном и конкретном Р, и избежать Q – целиком во власти Х-а (поскольку известно, что Р вызывает Q, достаточно просто не делать Р)» [Кустова 2004: 226]. Так, императив от глагола в составе Q – *Не позорь отца / Не разорь семью* – на самом деле означает ‘не делай Р’ / ‘прекрати делать Р’ (например: *Не женись на служанке; Перестань играть в карты*), поскольку Р приведет к Q.

Подчеркнем, однако, что радикальное отрицание не ограничено агентивными глаголами: в предложении с радикальным отрицанием каузатор Р может не быть действием, как в примерах (4.11) или (4.14); не быть действием с предсказуемым для агенса эффектом, как в (4.8); не быть действием, отказ от которого имеет целью избежать отрицательного эффекта. Так, в строчке Б. Окуджавы (пример из [Падучева 2004: 299]) имеется в виду ‘не буду лить слез, и тем самым не оскорблю’, а не ‘не буду лить слезы, чтобы не оскорбить’: *Не оскорблю своей судьбы слезой поспешной и напрасной*.

Общая семантика радикального отрицания в предложении с каузативным глаголом состоит в том, что каузальная связь между пропозициями вырождается в биимпlicativeтивную.

Интересна в этом плане работа [В. Апресян 2010], где описано нетривиальное поведение под отрицанием глагола *повезти* в безличном употреблении. Этот глагол употребляется в двух разных конструкциях (имеется и третья, которую мы здесь опускаем). В (4.39), где пропозициональный актант глагола вводится предлогом *что*, обычное отрицание, сохраняющее презумпцию.

- (4.39) а. Ему *повезло* \, что он встретил эту женщину = ‘от события Y, которое произошло с Х-ом, Х-у <было> хорошо’;
 б. Ему *не повезло* \, что он встретил эту женщину = ‘от события Y, которое произошло с Х-ом, Х-у не <было> хорошо’.

А отрицание в предложении (4.40) с другой моделью управления можно трактовать как радикальное:

- (4.40) а. Ему *повезло* \ родиться богатым \ = ‘с Х-ом произошло хорошее событие Y, тем самым ему <было> хорошо’;
 б. Ему *не повезло* \ родиться богатым = ‘с Х-ом не произошло хорошее событие Y, тем самым ему не <было> хорошо’.

Радикальная интерпретация отрицания возникает за счет того, что каузальная связь между двумя разными событиями, которая еще ощущается в (4.39), в предложении (4.40) вырождается в их идентификацию: каузация одного события другим переходит в разные наименования одного и того же события.

В [Зализняк, Шмелев 2012] отмечается особенность глагола *порадовать*, состоящая в том, что он способен употребляться в качестве косвенной номинации того действия, которое производит каузирующий эффект:

Чем вы нас *порадуете*? [Вопрос к писателю, который означает: ‘Что нового написали?’].

В других примерах из той же работы демонстрируется отношение идентификации между *порадовать* и конкретным действием, упомянутом в том же предложении:

Наум любил *порадовать* родителей *игрой* на фортепьяно;
Постараемся *показать* хороший хоккей и *порадовать* наших болельщиков.

Все это служит подтверждением той роли, которую играет идентификация в конструкции с радикальным отрицанием.

5. ОТРИЦАНИЕ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С КОНАТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

В разделе 4.4 об агентивных каузативах речь шла об **эксплицитно каузативных** конструкциях, когда семантические компоненты действие / деятельность и результат выражены разными синтаксическими составляющими предложения, ср.:

[он развлекал ее]_{результат} [разговорами]_{деятельность}.

Однако деятельность и результат могут быть компонентами толкования (т.е. семантического разложения, *semantic decomposition*) самого глагола. Это **имплицитно каузативная** конструкция, и с компонентами в ее составе отрицание тоже может взаимодействовать по-разному, см. об этом [Кустова 2004: 227 ff].

В [Апресян 1980: 63–64] было сделано важное наблюдение о соотношении между сов. и несов. видом некоторых агентивных каузативных глаголов, в частности глагола *решить*. Оно сводится к тому, что глагол НСВ *решил* означает, грубо говоря, 'действовал с некоторой целью', а глагол СВ *решил* – 'действовал с некоторой целью и достиг ее'. При этом в семантике глагола СВ асертивным является только компонент «достижение цели» – он и отрицается. Компонент «деятельность» составляет презумпцию: *не решил* предполагает *решил*, т.е. 'действовал с целью решить, но не достиг цели – не получил результата'. У других агентивных каузативов, например, у *открыть*, компонент «деятельность с целью» в семантике СВ не составляет презумпции и поддается отрицанию, так что *не открыл* не предполагает 'открывал'.

В [Гловинская 1982: 89 ff] идея о наличии особого аспектуального класса агентивных глаголов с презумптивным компонентом «деятельность с целью» получает развитие; приводится представительный список глаголов, у которых в толкование перфектива входит в качестве презумпции толкование имперфектива.

В применении к глаголам, описанным Ю.Д. Апресяном и М.Я. Гловинской, естественно использовать термин «**конатив**», от лат. *conatus* 'попытка', см. [Падучева 1996: 112]. Примерно такие глаголы называются конативами в [Forsyth 1970] и в [Томмола 1986: 79–88, 110–132 ff] и др. Форсайт пишет про эту группу глаголов, что у них «перфектив обозначает целостное действие, включая его успешное завершение, и тогда имперфектив, по контрасту, обозначает попытку (*conation*) выполнить то действие, которое обозначено перфективным глаголом» [Forsyth 1970: 49, 71–73]. (Ср. в [Апресян 1974: 83–84] о том, что в парах типа *убеждать* – *убедить*, *ловить* – *поймать*, *решать* – *решить* несов. вид имеет значение «попытки», а сов. вид – значение «успеха», т.е. удавшейся попытки; о конативном значении вида см. [Маслов 2004: 99].)

Конативы противопоставлены глаголам с **накоплением результата** [Гловинская 1982: 83 ff], таким как *забить* <гвоздь> или *открыть* <окно>. У них компонент «деятельность» является асертивным, а компонент «результат» связан с обращенной на него деятельностью как ее следствие, т.е. имеет статус имплицатива. В контексте такого глагола отрицание получает радикальную интерпретацию: *не открыл окно* = 'не действовал с целью <предполагаемой этим действием>, тем самым отсутствует результат'; отсутствующий результат тривиально предопределен отсутствием деятельности. В контексте конатива отрицание, естественно, стандартное.

У глаголов с накоплением результата возникает квазисинонимия сов. и несов. вида при отрицании: *не открыл окно* ≠ *не открывал окна*. Между тем у отрицательного конативного глагола формы СВ и НСВ не синонимичны: *не решил задачу* ≠ *не решал задачу*, поскольку *не решил* (СВ) имеет презумпцию *решал* (НСВ). Все имеющиеся возможности синонимии и несинонимии сов. и несов. вида под отрицанием подробно описаны в [Падучева 2008]. В частности, сов. и несов. вид квазисинонимичны у моментальных глаголов – динамичных, как *прийти, найти, зайти*: *не пришел* ≠ *не приходил* (стативные моментальные глаголы, такие как *понять*, ведут себя принципиально иначе). При этом, однако, у глаголов типа *прийти* несов. вид не обозначает деятельности, так что тут квазисинонимию видов в отрицательном контексте нельзя представить аналогичным образом.

В [В. Апресян 2013] утверждается, что презумптивный статус компонента «деятельность» в семантике конативов (речь идет только о глаголах физического действия) обеспечивается модификатором «большое усилие». Однако в таком случае конативы уже не будут аспектуальным классом глаголов с указанным соотношением между СВ и НСВ в видовой паре. Так, в семантику глагола *приволок* входит компонент «большое усилие»; но он не конатив в аспектуальном смысле – *не приволок* не предполагает «приволакивал». Глагол СВ *дотащить* имеет в контексте отрицания презумпцию деятельности, тоже требующей специальных усилий – из *не дотащил* следует «тащил»; но НСВ от *дотащить* не *тащить*, а *дотаскивать*: *тащить* – *дотащить* не образуют видовой пары.

Как мы видели в разделе 4.2, чтобы глагол с семантическими компонентами Р (каузатор, в данном случае – «деятельность») и Q (эффект, в данном случае – «результат») имел радикальное отрицание, нужно, чтобы выполнялось биимпликативное соотношение:

Условие (а): «если Р, то Q»;

Условие (б): «если не-Р, то не-Q».

В конструкции с эксплицитной каузацией фразовое ударение выделяет компонент Р как ассертивный; тем самым компонент Q получает статус импликатива. Отсюда выполнение условия (а) если Р, то Q. Выполнение условия (б) если не-Р, то не-Q достигается специальной импликатурой – в частности, вырождением каузации в интерпретацию.

Для имплицитной каузации – наоборот. Условие (б) выполняется тривиально – цель не может быть достигнута без ведущей к ней деятельности: в ситуации, когда окно открылось само, я не могу сказать, что «я его открыл». Между тем условие (а), которое состоит в том, что деятельность *г а р а н т и р у е т* достижение результата (а именно на этом основании компонент «результат» получает в утвердительном предложении статус импликатива), выполняется не всегда. А именно, оно не выполняется у конативов. Его выполнение у глаголов с накоплением результата объяснено в [Кустова 2004: 228] тем, что у этих глаголов накопление результата (в объекте) с и н х р о н н о деятельности агенса, который достигает своей цели. Так, *забить* <гвоздь> – глагол с накоплением (гвоздь забивается по мере забивания), а *угворить* <приятеля> – конатив (приятель не угovarивается по мере говорения).

Граница между конативами, у которых деятельность составляет презумпцию и тем самым при отрицании предстает как безуспешная попытка, и глаголами с накоплением, у которых это не так, размытая. В принципе, почти любое действие, в том числе, открывание окна, может окончиться неудачей, и тогда деятельность, предполагаемая семантикой глагола *открыть*, окажется неудавшейся попыткой, см. [Мелиг 2013]. Чаше всего отрицание в контексте агентивного глагола глобальное: деятельность и результат отрицаются как единое целое. Тем не менее конативы как аспектуальный класс представляют интерес.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, понятие презумпции решает далеко не все проблемы семантики отрицательного предложения. Помимо **стандартного** отрицания, которое отрицает ассерцию и сохраняет презумпции, имеется несколько конструкций с нестандартным отрицанием, которые заслуживают внимания.

1) Что касается **внешнего** отрицания, которое лишает презумпцию статуса неотрицаемости, то это периферийная конструкция – она используется в основном на уровне языковой игры; впрочем, она может быть допустима как отрицательная реакция на некий стимул в дискурсе.

2) Про предложение со **смещенным** отрицанием важно иметь в виду, что оно не является общеотрицательным ни для какого «утвердительного». Для предложения (6.1) соответствующим общеотрицательным будет не (2.1), а (2.1') с отрицанием в составе именной группы, которое подразумевает противопоставление (см. о противопоставительном отрицании [Богуславский 1985: 61 ff]):

(6.1) Я обвиняю Джона в национализме \ ;

(2.1) Я не обвиняю Джона в национализме \ ;

(2.1') Я обвиняю Джона не в национализме \ .

3) Напротив, предложение с **глобальным**, т.е. расширенным, отрицанием может быть общеотрицательным – что было показано в разделе 3. Включение модификатора ситуации в сферу действия отрицания при финитном глаголе предуготовано соответствующим коммуникативным преобразованием исходного предложения, которое в определенном смысле приравнивает этот модификатор к актанту глагола, делая его прагматически обязательным участником ситуации. В результате коммуникативной перестройки утвердительное предложение утрачивает членение на презумпцию и ассерцию, и отрицание при глаголе отрицает единую пропозицию.

4) Наконец, **радикальное** отрицание – это, как и смещенное, специальная отрицательная конструкция: предложению с такой конструкцией не соответствует никакого исходного утвердительного.

В событийной каузативной конструкции пропозициональному актанту каузативного глагола всегда соответствует презумпция (что вытекает из семантики каузации), и в этом контексте единственно возможным является стандартное отрицание, которое отрицает пропозицию эффект, сохраняя пропозицию каузатор как презумпцию (*Возвращение Ивана нас не порадовало*).

В расщепленной каузативной конструкции возможно, помимо стандартного отрицания, сохраняющего презумпцию, радикальное отрицание, отрицающее и пропозицию каузатор, и пропозицию эффект (*Иван не порадовал нас возвращением* может означать 'не вернулся, тем самым не порадовал').

Радикальное отрицание в контексте агентивного каузатива отличается тем, что тут каузатор – это не просто событие, а действие, сознательный отказ от которого имеет целью предупредить эффект: *Я не буду обременять его своей просьбой* = 'не буду просить, чтобы не обременить'. Следует подчеркнуть, что в контексте агентивного каузатива возможно (помимо стандартного) не только радикальное, но и глобальное отрицание; *Он больше не развлекает меня анекдотами* скорее означает 'не рассказывает с целью развлечь', чем 'не рассказывает, чтобы не развлечь'.

Фактивность глагола, которая обеспечивает пропозициональному актанту статус презумпции (а предложению – стандартное отрицание), зависит от модели управления: расщепленная каузативная конструкция отменяет обязательную фактивность, свойственную каузативному глаголу в событийной конструкции, и тогда будет ли пропозициональный актант презумпцией, зависит от денотативного статуса этого актанта и от прочих условий. (О том, что конструкция, оформляющая пропозициональный актант,

может влиять на интерпретацию отрицания при каузативном глаголе, см. [В. Апресян 2013].)

Итак, радикальное отрицание в каузативной конструкции – это нестандартная интерпретация смещенного предикатного отрицания, которая законно возникает в контексте биимпликативной связи между событием и эффектом, например, тогда, когда эффект является интерпретацией, иначе – косвенной номинацией – события. В частности, радикальная интерпретация отрицания возникает в контексте, где действие имеет заранее известный агенту (обычно нежелательный) эффект и агент может предупредить этот эффект несовершением действия. Это объясняет широкое употребление радикального отрицания в контексте снятой утвердительности – в будущем времени, в императиве, в контексте пропозициональных установок³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.
Апресян 1980 – Ю.Д. Апресян. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст». Wien, 1980. (Wiener Slawistischer Almanach. SBd 1.)
Апресян 2004 – Ю.Д. Апресян. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7).
В. Апресян 2010 – В.Ю. Апресян. Семантическая структура слова и его взаимодействие с отрицанием // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). По материалам международной конференции «Диалог 2010». М., 2010.
В. Апресян 2013 – В.Ю. Апресян. Семантика эмоциональных каузативов: статус каузативного компонента // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 12 (19). По материалам международной конференции «Диалог 2013». М., 2013.
Арутюнова 1973 – Н.Д. Арутюнова. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 1973. Т. 32. № 1.
Арутюнова 1976 – Н.Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976.
Богуславский 1985 – И.М. Богуславский. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
Гловинская 1982 – М.Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
Есперсен 1958 – О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958. (Англ. ориг.: O. Jespersen. The philosophy of grammar. London, 1924.)
Зализняк 1991 – Анна А. Зализняк. Считать и думать: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
Зализняк, Шмелев 2012 – Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев. Лексика радости // Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012.
Кустова 1996 – Г.И. Кустова. О коммуникативной структуре предложений с событийным каузатором // Московский лингвистический журнал. 1996. Т. 2.
Кустова 2004 – Г.И. Кустова. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
Маслов 2004 – Ю.С. Маслов. Избранные труды. М., 2004.
Мелиг 2013 – Х.-Р. Мелиг. Неисчисляемая собирательность в области глагольных предикатов. О конативности в русском языке // Доклад на IV Конференции комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. University of Gothenburg, June 10–14, 2013.
НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.
Падучева 1974 – Е.В. Падучева. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974; 2-е изд. М., 2007.
Падучева 1985 – Е.В. Падучева. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985. 6-е изд. М., 2010 // <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/paducheva1985.pdf>.

³ Огромная благодарность Барбаре Парти за конструктивную критику этой работы на разных ее этапах. Я благодарю также В.Ю. Апресян за то, что она привлекла мое внимание к нестандартным отрицаниям; Анну А. Зализняк за сочувственную помощь и О.Е. Пекелис за тонкое чутье на недоработанные участки текста. Отдельная благодарность – трем анонимным рецензентам журнала «Вопросы языкознания»: о таких продуманных комментариях любой автор может только мечтать.

